

УДК 343

DOI: 10.17223/22253513/32/5

А.Л. Репецкая

УБИЙСТВА В РОССИИ: МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЛАТЕНТНОГО МАССИВА

Предложена методика расчета латентного массива убийств в Российской Федерации. Определены массивы статистических данных, в которых могут находиться латентные убийства; обосновано определение их удельного веса в каждом из рассмотренных массивов. В результате представлена методика определения абсолютного показателя количества латентных убийств в РФ. В качестве примера рассчитан объем указанного массива по медиативным показателям 2014–2017 гг., который свидетельствует, что зарегистрированные убийства составляют только 20% в фактическом массиве убийств.

Ключевые слова: убийство, латентность, внешние причины смертности, методика.

Убийство является одним из наиболее опасных преступлений. Доля убийств в общей структуре преступности является индикатором уровня общественной безопасности. Снижение показателей убийств обычно свидетельствует о качественном изменении структуры преступности и повышении уровня безопасности соответствующей территории. Поэтому борьбе с убийствами всегда уделялось особое внимание как со стороны государства, правоохранительных органов, так и со стороны населения.

Традиционно убийство считалось низколатентным преступлением, скрыть которое достаточно сложно, поэтому долгое время при анализе преступлений против жизни на показатели уровня убийств в уголовной статистике опирались как на сведения, объективно отражающие реальную ситуацию. Однако в последние годы появился ряд исследований [1–7], которые свидетельствуют, что в лучшем случае убийство можно отнести лишь к преступлениям средней степени латентности. Это значит, что анализ криминологической характеристики преступлений данного вида не отражает их реального состояния, следовательно, и практика противодействия убийствам является неадекватной. Такое положение дезориентирует правоохранительные органы в борьбе с этими опаснейшими деяниями и не позволяет оценить уровень реальной виктимологической безопасности населения в целом.

В этой связи возникает ряд вопросов о состоянии убийств в России, основными из которых являются следующие: что же происходит на самом деле, каков фактический уровень убийств в современный период? И самое главное: как определить объем латентного массива убийств?

В настоящее время латентность убийств рассчитывается криминологами исходя из нескольких пограничных статистических массивов, не всегда

совпадающих у разных исследователей. Однако методики определения структуры массивов, которые могут содержать латентные убийства, удельного веса латентных убийств в этих массивах, расчета латентного массива указанных преступлений в исследованиях латентных убийств представлено не было. В настоящем исследовании предпринята попытка изложить методику определения латентного массива убийств на примере российских показателей за 2014–2017 гг.

Методика основывается на определении блоков статистических массивов, выделенных по различным критериям, объединенных общей вероятностью наличия внутри них криминальных смертей, а также на экспертных оценках определения их доли в представленных массивах. При градации таких массивов можно выделить три больших блока данных.

Первый блок с наибольшей вероятностью наличия неучтенных криминальных смертей содержит массивы данных о *неопознанных трупах*; а также о *пропавших без вести и найденных*. Очевидно, что два этих массива тесно связаны между собой: найденный неопознанный труп может одновременно числиться в массиве данных пропавших без вести. Иными словами, при анализе данного блока нужно учитывать, что определенная доля без вести пропавших переходит в массив неопознанных трупов.

Кроме того, массив данных о без вести пропавших и найденных имеет многослойную структуру. Он состоит из достаточно четко определенного массива зарегистрированных лиц, пропавших без вести, заявленных в розыск, и реально пропавших, но в розыск не заявленных и, соответственно, не зарегистрированных. Этот «слой» пропавших является объективно латентным, он количественно не определен, его границы являются в основном результатом экспертных оценок, которые варьируют в широких пределах.

Причины, по которым пропавшие не заявляются в розыск, связаны в основном со спецификой социального статуса лиц, составляющих данный массив. Как правило, его формирование идет из социальных групп, численность которых сама по себе является неопределенной, соответственно, отсутствие какой-либо регистрации этих лиц позволяет легко скрыть и их смерть. Речь идет о лицах, занимающихся проституцией, нелегальных мигрантах, лицах без определенного места жительства, беспризорных и безнадзорных детях, иных категориях лиц, в том числе принуждаемых к занятию проституцией и находящихся в рабстве [2. С. 79]. Эта часть массива не имеет определенных границ, поскольку никто не заявляет в розыск такого пропавшего и никто его не ищет. Однако именно эта доля содержит максимальное количество криминальных смертей, которые никак не учитываются статистикой.

Второй блок данных по степени вероятности наличия в статистическом массиве криминальных смертей составляет массив лиц, причина смерти которых официально зарегистрирована как *самоубийство*. Он имеет четкие статистические границы, однако в ходе, например, прокурорских проверок нередко выясняется, что причиной смерти лица не могло быть самоубийство [1. С. 111].

Третий блок является самым сложным по структуре массивов, которые его составляют. Он включает фактически все массивы, содержащие данные о наступлении смерти от иных внешних причин, регистрируемых статистикой, а также массивы, в которых причина смерти лиц официально зарегистрирована как естественная. В частности, в него входят такие крупные статистические массивы, где смерть была зарегистрирована как наступившая от болезни, в результате некриминальной травмы или несчастного случая либо как наступившая от повреждений с неустановленными намерениями (ПНН¹).

Каждый из указанных массивов имеет более мелкие структурные подразделения, которые с большей или меньшей вероятностью могут содержать неучтенные криминальные смерти. Кроме того, к массивам этого блока могут примыкать массивы, содержащие общие данные, не вошедшие в другие рубрики из-за неопределенности причины смерти. Так, например, в третий блок можно отнести массив «Все другие случайные и неуточненные несчастные случаи», который формируют смерти множества рубрик.

Этот блок данных редко анализируется криминологами на предмет скрытых в нем криминальных смертей и в основном является предметом исследования демографов. Между тем, как показывает анализ результатов и демографических, и криминологических исследований [1, 3, 4, 6, 8 и др.], в этом блоке скрывается значительное число невыявленных убийств.

Таким образом, определив границы исследования и используя статистические данные, имеющиеся у правоохранительных органов (в МВД, Генеральной прокуратуре РФ), а также в системе государственной регистрации смертности (Росстат)², которые относятся к вышеперечисленным блокам, можно приступить к разработке методики расчета количества латентных убийств. Определение объема латентного массива позволит установить реальный уровень преступлений против жизни в современный период (2014–2017 гг.) в России.

Итак, массивами данных первого блока являются сведения о неопознанных трупах и о без вести пропавших лицах. Например, число дел по установлению личности неизвестных граждан по неопознанным трупам за 2001–2017 гг. варьировало в пределах 21–78 тысяч. Для того чтобы рассчитать долю латентных убийств, находящихся в данном массиве, проанализируем динамику его состояния.

Динамический ряд рассматриваемого массива данных развивался следующим образом. С 2001 по 2009 г. наблюдался активный рост количества розыскных дел, находящихся в производстве: с 37,3 тыс. до 77,9 тыс. дел.

¹ Данный статистический массив имеется среди массивов статистических данных Росстата, характеризующих внешние причины наступления смерти среди населения страны. Его понятие и анализ приводятся в настоящей статье.

² Данные статистики, использованные в представленном исследовании, взяты с сайтов правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ (<http://www.crimestat.ru>), Госкомстата (www.gks.ru), а также из официальных отчетов МВД РФ (https://xn--b1aew.xn--p1ai/opendata/7727739372-MVD_GIAC_3.11).

Показатели уровня обнаружения неопознанных трупов, таким образом, увеличились в 2 раза. Такой высокий уровень удерживался на протяжении нескольких лет, до 2014 г. плавно снижаясь до 72,3 тыс. дел. Далее снижение пошло лавинообразно: в 2015 г. число розыскных дел уменьшилось на 41,6% – в производстве находилось 42 тыс. дел; 2016 г. дал снижение еще на 39% – 25,7 тыс.; в 2017 г. указанный показатель достиг рекордной отметки в 21,4 тыс. дел. При этом личность была установлена только у каждого четвертого из неопознанных трупов (например, в 2017 г. 4,9 тыс. дел были прекращены в связи с установлением личности), 75% так и остались неопознанными.

Между тем эти цифры показывают лишь количество обнаруженных неопознанных трупов, для идентификации личности которых открываются специальные производства. Это ядро массива неопознанных трупов, поэтому можно говорить только о приблизительных его размерах исходя из зарегистрированных данных. Безусловно, снижение уровня этого массива за последние 3 года в 3,5 раза является положительной тенденцией, однако количество неопознанных трупов, находящихся в данном массиве, по-прежнему достаточно велико. Анализ же количественных показателей за предыдущие 10 лет в целом демонстрирует стабильную картину максимально высокого уровня неопознанных трупов при ежегодно снижающемся показателе зарегистрированных убийств.

Официальная статистика в данном массиве регистрирует лишь 5% жертв убийств, хотя число дел по факту установления насильственных действий, повлекших смерть потерпевшего, возбуждается в 6,5–8% дел по установлению личности граждан по неопознанным трупам. Эксперты объясняют это тем, что не по каждому случаю обнаружения неопознанного трупа проводится экспертиза или исследование: лишь по каждому двенадцатому неопознанному трупу возбуждается уголовное дело по факту установления насильственных действий, повлекших смерть потерпевшего. Такие данные вполне сопоставимы с экспертными оценками [2. С. 82].

В абсолютных показателях это дает ежегодно 3,5–3,7 тыс. человек, ставших жертвами убийств, из числа неопознанных трупов при общем уровне обнаруженных трупов в 70–75 тыс.; и 1,0–2,1 тыс. – при уровне их регистрации в 21–42 тыс., как это было в период 2015–2017 гг.

Необходимо отметить, что из числа всех случаев смертей в России, в связи с которыми проводились судебно-медицинские экспертизы трупов, на протяжении длительного периода времени причина смерти не была установлена по разным обстоятельствам в среднем в 4,5% случаев. Определить причину их смерти судебно-медицинским экспертам не представилось возможным из-за гнилостных изменений либо скелетирования трупа, а также в связи с иными обстоятельствами.

По данным Российского центра судебно-медицинской экспертизы Минздрава России, число неопознанных трупов, обнаруженных в стадии поздних гнилостных изменений, составляет в среднем 10–15% от общего их числа [9].

Материалы прокурорских проверок по фактам обнаружения трупов лиц, причина смерти которых не установлена, свидетельствуют, что в «отказных» материалах о возбуждении уголовных дел об убийствах латентных убийств может оказаться от 1,5 до 2 тыс. в год [1]. Заметим, что тенденция роста количества случаев, в которых причины смерти в ходе судебно-медицинских экспертиз не были установлены, является устойчивой и развивается с 2007 г. по настоящее время.

По данным исследования ВОЗ, за период с 2011 по 2014 г. патологоанатомы и судмедэксперты выдали в России 137,4 тыс. свидетельств о смерти с кодом R99, который означает, что известно лишь то, что человек умер [10]. Из них точная дата смерти была неизвестна в 10,3 тыс. случаев, в том числе в 2,9 тыс. случаев не удалось установить и личность умершего, а в 2,2 тыс. эксперты не дали даже приблизительную оценку возраста [5. С. 104–105].

В отличие от официальных данных экспертные оценки определяют долю насильственных смертей среди неопознанных трупов в пределах 30% [2. С. 82]. В абсолютных показателях это 22,5–23,0 тыс. потерпевших от убийств, которые остались за рамками регистрации их в уголовной статистике, для уровня в 70–75 тыс. неопознанных трупов и 6,3–12,6 тыс. – для уровня данного показателя периода 2015–2017 гг.

Другим крупным массивом первого блока, который является индикатором для определения жертв латентных убийств, являются лица, пропавшие без вести. Согласно данным МВД, ежегодно в розыске находятся от 70 до 100 тыс. человек. Вместе с ранее пропавшими, которых разыскивают от года до 15 лет, общая цифра может достигать 120 тыс. человек в год.

Например, в 2013 г. в розыске находились 102 тыс. человек, из которых нашлись менее половины, так и не найденными оказались 50,5 тыс. человек. В 2014, 2015 гг. уровень этого показателя находился на отметке 93 тыс. Не найдены были 48,9 тыс. в 2014 г и 47,7 тыс. человек – в 2015 г. В 2016 г., несмотря на резкое снижение количества неопознанных трупов, уровень ненайденных без вести пропавших сократился незначительно и составил 45,8 тыс. человек; в 2017 г. не нашли 43,2 тыс. пропавших без вести. Таким образом, несмотря на резкое снижение количества неопознанных трупов за последние три года (в 3,5 раза), количество пропавших без вести и ненайденных сократилось за этот же период незначительно: лишь на 8%.

Доля находящихся в розыске и ненайденных пересекается с массивом неопознанных трупов, поскольку люди, которых не нашли, часто находятся именно там. Такая гипотеза не опровергалась данными статистики до 2015 г.: уровень неопознанных трупов по медиативным показателям с 2006 по 2014 г. на 36,6% превышал уровень пропавших без вести и ненайденных, что позволяло предполагать, что часть этих людей (по мнению экспертов, 35%) – латентные жертвы убийств [Там же. С. 83]. В абсолютных показателях это 17,0–17,5 тыс. человек.

С 2015 г. соотношение данных массивов резко изменилось: количество ненайденных людей, заявленных в розыск, стало превышать количество

обнаруженных неопознанных трупов: в 2015 г. разница составляла 11,9%, а в 2017 г. количество найденных уже более чем в 2 раза превышало показатели неопознанных трупов (43,2 тыс. против 21,4 тыс.).

Иными словами, людей пропало и не найдено в 2017 г. было фактически столько же, как и в предыдущие годы, а трупов обнаружено в 2 раза меньше. Такая разница указанных статистических массивов в 20,0–22,0 тыс. единиц найденных оставляет надежду, что эти люди живы, хотя есть большая вероятность, что их трупы просто хорошо спрятаны и еще не обнаружены. Однако если применить показатель доли жертв убийств, определенный экспертными оценками в 35% от найденных, то получившийся абсолютный показатель в 15,0–16,0 тыс. не перекрывается количеством обнаруженных неопознанных трупов.

Между тем, согласно статистике правоохранительных органов, в среднем только 1,0 тыс. человек из числа ежегодно находящихся в розыске признаются «жертвами уголовных преступлений». Это показатель в 2% от числа оставшихся в розыске лиц.

Исходя из вышеизложенной информации, стоит все-таки предположить, что поскольку качество исследуемого материала при экспертизе неопознанных трупов позволяет установить причину смерти не во всех случаях, а правоохранительные органы основываются именно на этих показателях, истина при выявлении в исследуемых массивах латентных убийств лежит где-то посередине.

При этом стоит учитывать, что доля насильственных смертей в массиве неопознанных трупов уже учтена в размере 35%. Если предположить, что половина из отнесенных экспертами к жертвам убийств среди неопознанных и неидентифицированных трупов – это лица, находящиеся в розыске и найденные (15%), то доля аналогичных жертв среди остального массива найденных не должна превышать 18% (с учетом 2% учтенных правоохранительными органами)¹. В абсолютных показателях для медиативного значения трехлетнего периода это дает 8,5 тыс. латентных убийств в год.

Кроме того, по мнению экспертов, ежегодно пропадает примерно 20% лиц от числа находящихся в розыске, о которых не заявляют как о без вести пропавших. Этот массив является самым неопределенным, и его ориентировочные границы весьма приблизительны. Так, например, для исследуемого периода (2014–2017 гг.) в абсолютных показателях он составляет приблизительно 17,5–18,5 тыс. человек. Из них как минимум 60% становятся жертвами убийств. Эта доля выше в 2 раза по сравнению с зарегистрированными пропавшими без вести, поскольку, в отличие от последних, представителей этого, полностью латентного, массива никто не ищет. В абсолютных показателях это порядка 10–11 тыс. человек.

¹ 35% (доля жертв убийств среди без вести пропавших и найденных) – 15% (30%/2; доля неопознанных трупов в числе найденных) – 2% (официально признанные жертвы преступлений в числе находящихся в розыске) = 18%.

Некоторые исследования показывают, что в числе неопознанных трупов и лиц, пропавших без вести, но официально не зарегистрированных, не менее 70% – это лица, утратившие социальные связи (бомжи, беспризорные дети и т.п.) [2. С. 80].

Стоит заметить, что статистические массивы социальных групп, из которых идет основное формирование массива без вести пропавших, но не заявленных в розыск, являются многочисленными. Количество единиц, их составляющих, исчисляется миллионами, поэтому размер латентного массива убитых в блоке пропавших и не разыскиваемых представляется минимальным даже для экспертных оценок, так как сами массивы этих социальных групп имеют только оценочный характер.

Так, вице-премьер российского правительства О. Голодец признает, что статистическая картина по беспризорным и безнадзорным детям весьма относительна в силу того, что единый банк данных отсутствует, а все статистические данные, имеющиеся в отдельных министерствах (например, в министерствах образования, культуры, внутренних дел), содержат сведения только о тех категориях детей, учет которых возложен на них соответствующими инструкциями. Между тем, исходя из сводных цифр этой статистики, по учетам определяются примерно 1,5–2 млн беспризорных и безнадзорных детей, а фактически эта цифра приближается к 4 млн [11].

Примерно такого же уровня массив маргиналов (бомжей), который оценивается в 4,5 млн человек [12. С. 3], а также массив нелегальных мигрантов, оцениваемый в 2017 г. руководством МВД примерно в 3 млн человек [13].

Таким образом, можно констатировать, что внутри статистических массивов таких размеров (например, три названных вида в сумме составляют по минимальным оценкам около 10 млн человек) указанное количество оценочных насильственных смертей в 10–11 тыс., которое составляет 0,1% от общего объема такого массива, – достаточно реалистичная цифра с учетом того, что фактически подобные массивы в 1,5–2 раза больше, а социальный статус, соответствующий образ жизни и микросреда составляющих их людей предполагают повышенную вероятность умышленного причинения им смерти.

Второй блок данных, в котором вероятность наличия криминальных смертей достаточно высока, содержит один статистический массив – самоубийства. На протяжении 18 лет нового века (2000–2017 гг.) в РФ статистические показатели в группе лиц, причина смерти которых официально указана как самоубийство, снизились почти в 3 раза: с 56,9 тыс. в 2000 г. до 20,2 тыс. в 2017 г.

В последние годы исследуемого периода (2014–2017 гг.) абсолютные показатели самоубийств варьировали в пределах 26,6–20,2 тыс. Между тем, по мнению экспертов, 5% из них – это жертвы убийств (в абсолютных величинах – от 1,0 до 1,5 тыс.).

Особенно часто подмена убийства суицидом происходит в случаях, когда смерть наступает в результате повешения, утопления, выпадения из

окна высотного дома, нанесения ножевых ран. Так, например, по материалам прокурорских проверок 40% решений правоохранительных органов об отказе в возбуждении уголовного дела было вынесено по фактам выпадения погибших из окон многоэтажных домов. В данных материалах проверок имеются объяснения родственников или других лиц, которые присутствовали во всех случаях, когда погибшие выбрасывались из окна. Однако ни в одном материале нет информации о взаимоотношениях умерших граждан в семье, склонности жертвы к суициду, предшествующей депрессии, неразрешимых конфликтных ситуациях, «разбитой» любви, психических отклонениях и др. Имеются только объяснения о том, что погибший подошел к окну и выбросился из него. В данных материалах нет подтверждения ни случайного, ни преднамеренного выпадения из окна граждан, ни опровержения [1. С. 112].

Существует масса и других случаев, когда насильственное причинение смерти, даже и не сильно замаскированное, списывается на самоубийство (например, когда ножевые ранения у потерпевшего на спине или характер странгуляционной борозды при повешении говорит о том, что человек не совершал самоубийства).

Третий блок данных содержит несколько статистических массивов, в которые с разной долей вероятности могут быть включены смерти, наступившие в результате насильственных деяний. Эти массивы наиболее редко анализируются экспертами на предмет наличия в них латентных убийств.

Первый значительный массив, связанный с наступлением смерти, внутри которого имеется определенная доля латентных убийств, – это лица, причина смерти которых официально зарегистрирована как результат различного рода некриминальных травм или несчастных случаев.

По мнению экспертов, доля скрытых убийств в данном массиве составляет от 3 до 20% [2. С. 85]. Треть смертей в этом массиве наступает от различных травм, среди которых черепно-мозговые, полученные в результате падения с высоты собственного роста, они фиксируются в 15% случаев. Кроме того, множество смертей наступает от отравлений, ожогов, обморожений, утоплений и тому подобных причин. Однако максимальное число травм относится к категории неуточненных (в среднем 43–44%), что в абсолютных показателях 2015 г. составило 77 887 случаев наступления смерти (в 2016 – 73 722; в 2017 – 66 094) [14], когда травма или другое внешнее воздействие не было уточнено.

Если даже считать по минимальным оценкам в 3% от общего количества несчастных случаев, которые ежегодно превышают 150 тыс., то в абсолютных показателях доля латентных убийств в этой структуре составит около 5 тыс.

К указанным статистическим данным примыкает еще один интересный массив, внутри которого, по мнению экспертов, скрывается огромное число латентных убийств, – это массив смертности от повреждений с неопределенными намерениями. Иными словами, на практике встречаются случаи смерти, отнесение которых к несчастному случаю, убийству или само-

убийству затруднено, поскольку доступной информации недостаточно, чтобы медицинские и юридические эксперты могли сделать вывод о том, к какому виду причин смерти можно отнести данный инцидент [10]. Все эти случаи отнесены статистикой к наступлению смерти от повреждений с неопределенными намерениями (ПНН).

Рост смертности от ПНН особенно ярко стал проявляться как тенденция с 2003 г. Сегодня ее уровень в России в 6–7 раз выше, чем 50 лет назад, и ее доля в структуре внешних причин смертности нарастает [5. С. 90]. Современная тенденция высокого уровня регистрации смертей от ПНН является стабильной при значительном падении уровня зарегистрированных убийств и самоубийств. Так, уровень смертей от ПНН в 2000 г. был зафиксирован в количестве 41,9 тыс., а в 2017 г. – 42,2 тыс., тогда как уровень убийств и самоубийств за этот период упал более чем в 3 раза.

В последние годы рассматриваемого периода (2010–2017 гг.) уровень смертей от ПНН продолжал расти. Например, в 2010 г. в России на 100 убийств приходилось 224 смерти от ПНН у мужчин и 177 – у женщин, а стандартизированный коэффициент смертности от ПНН превысил уровень смертности от убийств и суицидов и стал ведущей причиной травматической и насильственной смертности [6. С. 122; 15]. В 2012 г. количество смертей от ПНН у мужчин (20,6%) и женщин (20,2%) фактически сравнялось.

В целом в России на 100 смертей от внешних причин 20 регистрируются как наступившие от ПНН. Кроме того, согласно данным международной статистики, уровень смертей, относимых к ПНН, в России у возрастных групп пожилых граждан (60–74; 75+) является самым высоким: 62 – стандартизированный коэффициент у мужчин, 17 – у женщин (60–74 года). В других странах, кроме Португалии, эти показатели в десятки раз меньше [10]. В общей структуре смертности от ПНН эти возрастные группы занимают от 40% (у мужчин) до 50% (у женщин), т.е. фактически половина всех регистрируемых смертей этой категории в России – пожилые люди [15].

Не анализируя здесь причины такого состояния и структуры смертности от ПНН в России, а оценивая только сам факт соотношения уровней смертности от указанных причин, можно констатировать, что этот массив дает административным органам прямую возможность сдвинуть статистику насильственного причинения смерти в массивы иных внешних причин. К такому же выводу приходит и ряд исследователей, анализировавших смертность от ПНН [7, 12, 16]. При этом некоторые из них утверждают, что большая часть смертей данного массива в России – это убийства, тогда как в других странах туда «прячут» суициды [7. С. 122].

Это утверждение подтверждается и самим характером причиненных повреждений. Так, относимые к ПНН смерти, вызванные контактом с острым или тупым предметом, доминируют в структуре названных смертей – 31–32% (в 2016 г. из 43,3 тыс. смертей от ПНН от смерти, вызванной контактом с острым или тупым предметом, умерли 13,9 тыс. человек; в 2017 г. – 13,0 тыс.). Еще 15–17% ПНН – это смерти, наступившие в результате пошения, удушения, удушения. Кроме того, по мнению экспертов, к убий-

ствам следует отнести и часть смертей от уточненных и неуточненных повреждений, среди которых тоже очень высока доля убийств. В структуре смертей от ПНН они составляют 10–12%. При этом как абсолютные, так и относительные показатели ПНН в структуре смертности населения остаются достаточно стабильными с тенденцией к росту на протяжении всего исследуемого периода.

Судмедэксперты в 2011–2014 гг. отнесли смерть к повреждениям с неустановленными намерениями в 160,7 тыс. случаев, в том числе в 82,3 тыс. случаев род смерти не был установлен. Таким образом, из 160,7 тыс. смертей, классифицированных как смерть от повреждений с неустановленными намерениями, в 51,2% случаев род смерти не определен. В 48,2% случаях род смерти был классифицирован как несчастный случай, в 0,3% было установлено убийство или самоубийство, еще в 0,3% случаев – заболевание [6. С. 105–106].

Анализируя все представленные выше расчеты, предположим, что в той половине, где род смерти не был определен, справедливо на убийства отнести около трети исследованных случаев (поделив эту долю между убийствами, самоубийствами и несчастными случаями), что составит 17%. В результате можно предположить, что за 2011–2014 гг. в массиве смертей от ПНН могло находиться до 14 тыс. латентных убийств, т.е. около 4,6 тыс. убийств в год.

Таким образом, вероятно, будет оправданным при расчете количества латентных убийств в массиве смертности от ПНН разделить массив пополам и взять 17% от половины его численности, т.е. в целом от численности массива эта доля будет составлять 8,5%. Если к этому показателю прибавить 0,3% установленных убийств из первой половины массива, то определение доли примерно в 9% представляется обоснованным. Так, если медиативный показатель данного массива для современного периода составляет 43,0 тыс. смертей в год, то согласно предложенной методике расчетов латентных убийств в таком ежегодном массиве будет около 4 тыс.

В то же время в группе лиц, причина смерти которых официально считается естественной (ненасильственной), по мнению экспертов, доля скрытых убийств составляет не менее 0,5%. Уровень таких смертей в последние годы достаточно стабилен. Так, в 2015 г. в РФ естественных смертей было зарегистрировано 1 731 тыс.; в 2016 г. – 1 723,5 тыс.; в 2017 г. – 1 673 тыс. При расчете медиативного значения, исходя из представленных показателей, к общему массиву латентных убийств можно добавить еще порядка 8–8,5 тыс. смертей, замаскированных под естественные (от болезней, старости).

Например, в 2010 г. острая сердечная (коронарная) недостаточность унесла жизни 12,4% граждан, из которых 87,3% являлись лицами без определенного места жительства, не имеющими документов. Такое количество маргиналов, умерших от болезней сердца, вызывает серьезные сомнения. По результатам опроса судебно-медицинских экспертов, проведенного Л. Богдановой, установлено, что в 20% случаев поступления трупа маргинала с признаками насильственной смерти (утерявшего не только докумен-

ты, но и социальные связи) сотрудники полиции «просят» врача найти возможность не усмотреть у последнего наличия криминальной причины смерти [1. С. 111].

Такое положение дел подтверждается и другими исследователями, которые указывают на возможность сдвижения регистрации насильственной смерти в ряд разных статистических массивов, среди которых называется и такая рубрика, как «болезни системы кровообращения» [17].

Таким образом, имея конкретные статистические массивы, а также зная долю латентных убийств для каждого из них, в сумме возможно получить совокупный абсолютный показатель, определяющий годовой объем массива латентных убийств. По сути, приведенная таблица представляет собой методический инструмент, позволяющий определять годовой объем искомого массива без промежуточных расчетов. При этом определение указанного абсолютного показателя возможно как при использовании данных одного конкретного года, так и при средних, медиативных значениях какого-либо периода, в котором все параметры, используемые для анализа, являются сходными.

В представленных расчетах взят период 2014–2017 гг., для которого были определены средние величины рассмотренных статистических массивов. Рассчитав долю латентных убийств для каждого указанного массива и сложив их вместе, получаем средний ежегодный объем массива латентных убийств для данного периода (см. таблицу).

**Методика расчета массива латентных убийств в РФ
(по медиативным показателям 2014–2017гг)**

Вид статистического массива данных	Количество единиц данного массива в год (средние величины), тыс.	Доля латентных убийств в массиве, %	Абсолютный медиативный показатель латентных убийств в год, тыс.
Неопознанные трупы	31,0	30,0	9,3
Лица, пропавшие без вести и найденные, заявленные в розыск	43,5	18,0	7,8
Лица, пропавшие без вести, не заявленные в розыск	18,0	60,0	10,0
Самоубийства	23,0	5,0	1,1
Смертельные некриминальные травмы и несчастные случаи	167,0	3,0	5,0
Повреждения с неопределенными намерениями, приведшие к смерти	43,0	9	4,0
Естественные причины смерти (болезнь, старость)	1 700	0,5	8,5
Итого			45,7

Таким образом, полученный массив латентных убийств по медиативным значениям исследуемого периода составляет 45 тыс. единиц. Следует заметить при этом, что уровень убийств, находившихся в регистрации в указанный период, является одним из самых низких начиная с 1960-х гг. с последовательной тенденцией к снижению. За период 2014–2017 гг. количество зарегистрированных убийств снизилось на 18,4%, а их медиативное значение в абсолютных показателях составило 10,9 тыс. В целом же фактическое состояние убийств в исследуемый период можно оценить приблизительно в 56,6 тыс. в год, где зарегистрированные убийства составляют только около 20% рассматриваемого массива. Иными словами, зарегистрированным является только каждое пятое убийство. Это дает повод для серьезных сомнений в достоверности официальной статистики.

Знание фактического уровня убийств, а также использование предложенной методики для его определения смогут изменить подход к выявлению скрытых убийств, повысить их реальный уровень в зарегистрированной части, а значит, и уровень реального реагирования на них со стороны правоохранительных органов. Кроме того, представленная оценка позволяет несколько под другим углом зрения посмотреть на массив латентных убийств, более адекватно анализировать успехи борьбы с преступлениями против жизни.

Литература

1. Богданова Л. Выявление латентных убийств в ходе прокурорских проверок // Уголовное право. 2011. № 5. С. 109–114.
2. Корсантия А.А. Латентность убийств в современной России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 20. С. 73–86.
3. Теоретические основы и анализ латентности преступности / под ред. С.М. Иншакова. М. : Юнити-Дана, 2011. 840 с.
4. Репецкая А.Л. Проблемы статистического учета преступлений против жизни и реальное состояние убийств в современной России // Библиотека криминалиста : научный журнал. 2017. № 4 (33). С. 357–366.
5. Андреев Е. Плохо определенные и точно не установленные причины смерти в России // Демографическое обозрение. 2016. № 3 (2). С. 104–105.
6. Васин С.А. Смертность от повреждений с неопределенными намерениями в России и в других странах // Демографическое обозрение. 2015. № 1. С. 89–124
7. Иванова А.Е., Сабгайда Т.П., Семенова В.Г., Запорожченко Е.В. и др. Факторы искажения структуры причин смертности трудоспособного населения России // Социальные аспекты здоровья населения. 2013. № 4 (32). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view>
8. Карлинский И.З. Анализ социально-правового положения бездомных в современной России. СПб. : Дельта. 2004. 64 с.
9. Исаенко В. Идентификация неопознанных трупов // Законность. 2001. № 6. С. 12–15.
10. Международная база данных по причинам смерти ВОЗ (WHO Mortality Database). URL: <http://www.who.int/whosis/mort/download/en/>
11. Голодец О. В России растет число беспризорных детей // Вести – экономика. 2015. 31 марта. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/55320>
12. Кваша Е.А., Харькова Г.Л., Юмагузин В.В. Смертность от внешних причин в России за полвека // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1, № 4. С. 68–95.
13. МВД посчитало нелегальных мигрантов в России. 2017. 20 окт. URL: <http://today.listis.ru>

14. Статистические данные Федеральной службы государственной статистики за 2015 год. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_

15. Крнев А., Васин С. Род смерти не установлен – ведущая причина насильственной смертности в России // ДемоскопWeekly. 2012, № 535-536. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0535/analit010.php>

16. Семенова В.Г., Гаврилова Н.С., Евдоушкина Г.Н., Гаврилов Л.А. Качество медико-статистических данных как проблема современного российского здравоохранения // Общественное здоровье и профилактика заболеваний. М., 2004. № 2. С. 11–19.

17. Семенова В.Г., Антонова О.И. Достоверность статистики смертности (на примере смертности от травм и отравлений в Москве) // Социальные аспекты здоровья населения. 2007. 27 июня. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/28/30/>

Repetskaya Anna L., Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

MURDERS IN RUSSIA: METHOD FOR DETERMINING LATENCY OF AN ARRAY

Keywords: murder, latency, external reasons of mortality, technique.

DOI: 10.17223/22253513/32/5

The article proposes the method for calculation of latent array of murders, which is based on identifying the blocks of statistical arrays allocated according to various criteria, united by common probability of the existence within them of criminal deaths, as well as on the expert assessments for the determination of their share in the presented arrays. When graduation such arrays were allocated three pieces of information

When grading such arrays, three blocks of data were allocated. In the first block the arrays of data about unknown corpses, about missing persons and those not found were analyzed; the second block contained the data on suicides; the third block was a multi-element one. It consists of the arrays containing data about the occurrence of deaths from other external causes recorded in statistics, as well as arrays in which the cause of death of persons is officially registered as a natural one.

On the basis of the methods of statistical analysis, expert assessment; studying of documents, the specific weight of latent murders in each of the above arrays of data was determined. For example, in the first block the share of latent murders varies from 18 to 60% depending on the type of statistical array. In the second block the specific weight of latent murders is 5%; for arrays of the third block variability of a share of the studied type of murders is from 0,5 to 9%. The article gives a detail description of the method for calculation of a specific weight of latent murders in different statistical arrays and shows how, having concrete statistical arrays and knowing a share of latent murders for each of them, it is possible to receive a cumulative absolute indicator that defines an annual volume of the latent array of murders.

In the final part, the author offers a method for calculating the array of latent murders as a table, which is a methodical tool to determine the annual volume of the required array without intermediate calculations. Moreover, the definition for the specified absolute indicator is possible both when using the data in one particular year and average values of any period in which all of the parameters used in the analysis are similar.

The calculations cover the period of 2014-2017 for which average values of the considered statistical arrays were calculated. Having calculated a share of latent murders for each specified array and added them together, the average annual volume of the array of latent murders, which

Knowledge of the actual level of murders and the use of the proposed method for its determination can change the approach to identify latent murders and, consequently, would increase their real registered level, and, hence, the level of real response from law enforcement agencies. Besides, the presented assessment allows looking at the array of latent murders from a different angle, to analyze progress in combating crimes against life more adequately.

References

1. Bogdanova, L. (2011) Vyyavlenie latentnykh ubiystv v khode prokurorskiykh proverok [Detection of latent murders during prosecutorial inspections]. *Ugolovnoe pravo*. 5. pp. 109–114.
2. Korsantiya, A.A. (2011) Latentnost' ubiystv v sovremennoy Rossii [Latency of murders in modern Russia]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. 20. pp. 73–86.
3. Inshakov, S.M. (2011) *Teoreticheskie osnovy i analiz latentnosti prestupnosti* [Theoretical foundations and analysis of the crime latency]. Moscow: Yuniti-Dana.
4. Repetskaya, A.L. (2017) Problemy statisticheskogo ucheta prestupleniy protiv zhizni i real'noe sostoyanie ubiystv v sovremennoy Rossii [Problems of statistical accounting of crimes against life and the real state of murders in modern Russia]. *Biblioteka kriminalista*. 4(33). pp. 357–366.
5. Andreev, E. (2016) Ill-defined and unspecified causes of death in Russia. *Demograficheskoe obozrenie – Demographic Review*. 3(2). pp. 104–105. (In Russian). DOI: 10.17323/demreview.v3i2.1755
6. Vasin, S.A. (2015) Mortality from undetermined causes of death in Russia and in a selected set of countries. *Demograficheskoe obozrenie – Demographic Review*. 1. pp. 89–124. (In Russian). DOI: 10.17323/demreview.v2i1.1790
7. Ivanova, A.E., Sabgayda, T.P., Semenova, V.G., Zaporozhchenko, E.V. et al. (2013) Factors distorting structure of death causes in working population in Russia. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya – Social aspects of population health*. 4(32). [Online] Available from: <http://vestnik.mednet.ru/content/view>. (In Russian).
8. Karlinsky, I.Z. (2004) *Analiz sotsial'no-pravovogo polozheniya bezdomnykh v sovremennoy Rossii* [The analysis of the social and legal status of homeless people in modern Russia]. St. Petersburg: Del'ta.
9. Isaenko, V. (2001) Identifikatsiya neopoznannykh trupov [Identification of unidentified corpses]. *Zakonnost'*. 6. pp. 12–15.
10. WHO. (n.d.) *WHO Mortality Database*. [Online] Available from: <http://www.who.int/whosis/mort/download/en/>.
11. Golodets, O. (2015) V Rossii rastet chislo besprizornykh detey [The number of street children is growing in Russia]. *Vesti – ekonomika*. 31st March. [Online] Available from: <http://www.vestifinance.ru/articles/55320>.
12. Kvasha, E.A., Kharkova, G.L. & Yumaguzin, V.V. (2014) Mortality from external causes of death in Russia over the past half-century. *Demograficheskoe obozrenie – Demographic Review*. 1(4). pp. 68–95. (In Russian). DOI: 10.17323/demreview.v1i4.1803.
13. Today.listis.ru. (2017.) *MVD poschitalo nelegal'nykh migrantov v Rossii* [The Interior Ministry considered the illegal migrants in Russia]. 20th October. [Online] Available from: <http://today.listis.ru>
14. Federal State Statistics Service. (2015) *Statisticheskie dannye Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki za 2015 god* [Statistical data of the Federal State Statistics Service for 2015]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_.
15. Krenev, A. & Vasin, S. (2012) Rod smerti ne ustanovlen – vedushchaya prichina nasil'stvennoy smernosti v Rossii [The type of death is not established – the leading cause of violent death in Russia]. *DemoskopWeekly*. 535–536. [Online] Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0535/analit010.php>.
16. Semenova, V.G., Gavrilova, N.S., Evdokushkina, G.N. & Gavrilov, L.A. (2004) Kachestvo mediko-statisticheskikh dannykh kak problema sovremennogo rossiyskogo zdravookhraneniya [The quality of medical statistics as a problem of modern Russian health]. *Obshchestvennoe zdorov'e i profilaktika zabolevaniy*. 2. pp. 11–19.
17. Semenova, V.G. & Antonova, O.I. (2007) Dostovernost' statistiki smernosti (na primere smernosti ot travm i otravleniy v Moskve) [Reliability of mortality statistics (for example, mortality from injuries and poisoning in Moscow)]. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya*. 27th June. [Online] Available from: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/28/30/>.